

Sergijenko, Olesja Sergejevna

О норме и вариантности в паремиологии

Opera Slavica. 2012, vol. 22, iss. 4, pp. 1-14

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/125597>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

О НОРМЕ И ВАРИАНТНОСТИ В ПАРЕМИОЛОГИИ

Олеся Сергиенко (Санкт-Петербург)

Абстракт:

Отталкиваясь от понятия языковой нормы и опираясь на существующие исследования в области фразеологии и паремиологии, автор статьи формулирует основные критерии, определяющие норму в паремиологии. В статье также затрагивается проблематика вариантности пословиц и разграничения понятий *вариантность* и *трансформация*. Делается вывод о том, что нормативная вариантность паремиологического корпуса языка – это вариантность не текстовая, окказиональная, а системная, языковая; эта та вариантность, которая существует в сознании носителей языка, не несет дополнительной семантической нагрузки и не осознается носителями языка как искажение пословицы.

Ключевые слова: паремиология, паремиологическая норма, паремиологический минимум, вариантность пословиц, трансформации пословиц.

Norm and Variation in Paremiology

Abstract:

Based on the concept of language norm and existing studies in phraseology and paremiology, the article focuses on the main criteria that distinguish norm or standard in paremiology. The article also touches upon the problem of proverb modifications and the difference between terms *modification* and *transformation*. The author makes a conclusion that standard modifications within the national paremiological corpus can not be perceived as textual or occasional modifications. They should be taken as systemic variations within language norm that exist in the mind of native speakers, do not add another semantic meaning and are not recognized by native speakers as proverb deformations.

Key words: paremiology, paremiological norm, paremiological standard, paremiological minimum, proverb modifications, proverb variations, proverb transformations.

Пословицы – это живой, подвижный организм, отражающий все реалии современного мира, все изменения в жизни общества в своих многочисленных вариантах и трансформах. В последние десятилетия в паремиологии стал четко осознаваться факт пластичности пословичного клише, появились исследования вариантности пословиц. В то же время большое внимание уделяется исследованию намеренных трансформаций паремий. Однако многие исследователи не делают четкого разграничения между терминами *вариантность* и *трансформация*, часто используя их как взаимозаменяе-

мые. Термины *вариант*, *варьирование* и *вариантность*, действительно, допускают широкую и узкую трактовку и часто избираются авторами, исследующими все многообразие преобразований, происходящих с пословицами в современном языке.

Вопрос вариантности не может быть решен без определения паремиологической нормы. Вопрос о паремиологической норме является в современном языкознании практически неизученным. В данной статье, отталкиваясь от понятия языковой нормы и опираясь на существующие исследования в области фразеологии и паремиологии, мы попытаемся сформулировать основные критерии, которые, на наш взгляд, должны определять норму в паремиологии.

Теоретический фундамент нормативности языка и проблемы языковой нормы был заложен в исследованиях представителей Пражского лингвистического кружка (ПЛК). Впервые точное определение *языковой нормы* дал Б. Гавранек в статье «Задачи литературного языка и его культура» (*Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura*), опубликованной в 1932 году в сборнике «Литературный чешский язык и языковая культура» (*Spisovná čeština a jazyková kultura*). В ней Б. Гавранек впервые определил разницу между *нормой литературного языка* и *нормой* так называемого *народного языка*, а также разграничил такие понятия, как *норма* и *узус*, *норма* и *кодификация*, *норма* и *язык* (Nebeská, 2003, 14).

Понятие *языковая норма* относится к основным понятиям, которыми ПЛК обогатил современную лингвистическую мысль. В классической трактовке ПЛК предметом *нормы* была совокупность языковых средств, используемых коллективом говорящих на определенном языке (Havránek, 1932, 33), и эти языковые средства включали как традиционные, так и новые элементы. Чешские лингвисты отмечали роль прогрессивных компонентов языковой структуры, отвергали кодификацию архаического состояния языка, исследовали результаты взаимодействия литературного языка с разговорной речью (Жураев, 1991, 5).

Анализ работ лингвистов Пражской школы показал, что *теория нормы* возникла, с одной стороны, в результате конкретных требований языковой практики (в результате потребности заново устанавливать принципы регулирования языка, критерии правильности и т.д.), с другой стороны, из теории **дихотомии языка** (*langue*) и речи (*parole*) Ф. де Соссюра. Именно по этой причине понятие *норма* в трудах ПЛК имеет свою отличительную черту, которую можно назвать двоякостью: в первом случае речь идет о *норме в обычном понимании* (центральное понятие теории нормы), а во втором случае о *норме литературного языка* (центральное понятие теории литературного языка). *Норма в обычном понимании* включает в себя все языковые средства, которые регулярно используются данным обществом

и не имеют ярко выраженной окраски, носители данного языка воспринимают их самопроизвольно, не задумываясь об их обязательном характере, имеют характер уместности, соразмерности. *Норма в обычном понимании* занимает место между *языком* (языковой системой) и *узусом* (Nebeská, 2003, 39).

Эти два понимания нормы ни в трудах представителей Пражской школы, ни в дальнейших исследованиях никак явно не разграничивались, а понятие *нормы*, как правило, иллюстрировалось именно на примере *литературной нормы*, которая была центральным понятием *теории литературного языка*, а потому именно она и была в центре внимания большинства лингвистов ПЛК, в первую очередь, В. Матезиуса и Б. Гавранека (Nebeská, 2003, 40). Применительно же к паремиологии нас интересует именно *норма в обычном понимании*.

В. Матезиус также говорил об «эластичной стабильности» («gružná stabilita») как об одном из основных признаков литературного языка. Под этим он понимал то, что предпочтение, отдаваемое при кодификации более старым, а не новым элементам и подчеркивание тем самым консерватизма литературного языка ни в коей мере не способствует достижению желаемой стабильности, а, напротив, расшатывает ее. В. Матезиус отмечал, что стабильность ни в коем случае не исключает вариантности нормы (Nebeská, 2003, 20, 29).

Особенно актуальной для периода деятельности ПЛК была **проблема вариантов**, обусловленных развитием языка (или исторически обусловленных вариантов). В трудах представителей ПЛК были созданы предпосылки решения этой проблемы в связи с принятием *принципа вариантности языковых средств*, применительно к норме литературного языка. Кроме вопроса об исторически обусловленных вариантах, речь также шла и о вариантности, связанной с территориальной дифференциацией языка (<http://praglingv.ru/>).

В русском языкознании также существует два понимания нормы. Так, до 50-х годов *языковая норма* рассматривалась только как правило употребления, из чего следует, что норма – это внеязыковое явление. В дальнейшем возникло и другое понимание нормы, близкое к идеям ПЛК: норма – это общепринятое употребление. Стало возможным говорить о том, что норма существует в самом языке, что это объективное данное. Таким образом, необходимо различать *кодификацию языковой нормы* (правило употребления) от самой *нормы* (общепринятое употребление) (Жураев, 1991, 6–7).

Итак, отмечая роль ПЛК в формировании понятия *нормы*, следует отметить следующие положения, которые, на наш взгляд, могут быть применены и к понятию *нормы в паремиологии*.

(1) Понимание нормы как совокупности языковых средств, используемых коллективом говорящих на определенном языке, включающих и традиционные, и новые элементы. Соответственно, паремиологическая норма – это совокупность паремиологических единиц, регулярно используемых носителями какого-либо языка и включающих как традиционные единицы, зафиксированные в старших источниках, так и новые актуальные пословицы, возникшие в языке под влиянием социальных, культурных и политических процессов.

(2) Так же, как разговорный язык играет важную роль в формировании литературного языка, так и употребление пословиц в живой разговорной речи является наиболее ярким проявлением функционирования «живых пословиц» в современном языке.

(3) Представители ПЛК проповедовали отказ от кодификации архаического состояния языка. Так и современные паремиологи стараются зафиксировать современное состояние пословичного фонда языка и ПЕ в той форме, в которой они употребляются коллективом говорящих.

(4) «Эластичная стабильность», сформулированная В. Матезиусом как один из основных признаков литературного языка, по нашему мнению, является характерным признаком и для ПЕ.

(5) Утверждение Б. Гавранека о том, что норма никогда не может быть окончательной, несомненно, должно быть применимо и к понятию паремиологической нормы.

(6) Принцип вариантности языковых средств, применительный к норме литературного языка, является одним из основных положений современной паремиологии.

(7) Признавая наличие стилистической и территориальной дифференциации исторически обусловленных вариантов, представители ПЛК заложили основу для включения в паремиологическую норму территориальных и стилистически-маркированных вариантов.

Говоря о паремиологической норме, нельзя забывать о **теории паремиологического минимума** Г. Л. Пермякова, которая оказала огромное влияние на развитие паремиологии и паремиографии (работы М. Ханзен, Х. Хаас, Г. Капчица, Л. А. Петровой, Д. Биттнеровой, Ф. Шиндлера, Ф. Чермака, Р. Блатны, В. Мидера и других). Общеупотребительные, общеизвестные и воспроизводимые пословицы и афоризмы, выявляемые при помощи информантов в ходе многоступенчатого социолингвистического эксперимента для определения паремиологического минимума языка, составляют *нормативный паремиологический корпус языка* и становятся основным объектом для паремиографического описания во всех типах пословичных словарей (Котова, 2003, 27).

Известный американский паремиолог и издатель международного журнала «Proverbium» Вольфганг Мидер указывал в своих трудах, что выявление эмпирическим путем «знаемости» (термин Г. Л. Пермякова) или узнаваемости пословиц и паремиологического минимума языка является самой важной задачей современной паремиологии. В конце 1980-х проводились исследования по выявлению паремиологического минимума немецкого языка (Grzybek 1991), хорватского (Grzybek/Škara/Heyken 1993), венгерского (Tóthné-Litovkina 1992) и чешского (Schindler 1993, 1996). В качестве примера подобной интерпретации паремиологического минимума может служить «Русско-славянский словарь пословиц» М. Ю. Котовой (2000). Творчески подошли к теории паремиологического минимума Г. Л. Пермякова Д. Биттнерова и Ф. Шиндлер в своем крупномасштабном паремиологическом труде 1997 г. «Česká přísloví – Soudobý stav konce 20. století» (второе издание словаря вышло в 2003 г.). Основным источником сборника послужил словарь Ф. Л. Челаковского «Mudrosloví národu slovanského ve příslovích», который дополнили два ранее неопубликованных собрания пословиц XX века – собрание Й. Спилки (50–70е гг.) и собрание Д. Биттнеровой (сер. 80-х гг.). В словарь также вошли чешские пословицы, зафиксированные Ф. Шиндлером в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века, ранее публиковавшиеся в его диссертации (Bittnerová, Šindler, 2003, 7–8, 279). Проведя социолингвистический эксперимент с привлечением девятнадцати информантов-носителей, которым предлагалось проставить отметки употребительности напротив пословиц, извлеченных из четырех вышеуказанных источников, авторы опубликовали список чешских пословиц, пронумерованный по возрастающей – от наиболее известных, отмеченных всеми девятнадцатью респондентами, к наименее известным, указанным лишь одним информантом. Несмотря на ограниченное количество информантов (что можно объяснить значительным объемом материала), результаты данного исследования, несомненно, представляют научный интерес, поскольку являются первой попыткой выявления паремиологического минимума современного чешского языка.

Какие же выводы делают Д. Биттнерова и Ф. Шиндлер на основе своего исследования? Прежде всего, они подчеркивают, что при выявлении паремиологического минимума современного чешского языкового общества нельзя опираться лишь на источники, относящиеся к XIX веку и даже к первой половине XX века. Результаты эксперимента демонстрируют, что пословичный фонд очень быстро обновляется – старые пословицы исчезают из употребления и постепенно забываются, но в то же время язык пополняется новыми паремиями (Bittnerová, Šindler, 2003, 295).

Однако в последнее время некоторые паремиологи приходят к выводу, что как такового общего минимума для всех носителей конкретного языка

не существует. Есть лишь «зона узнавания», которая определяет более или менее условное ядро национальной паремиологии (Мокиенко, 2009). Некоторые исследователи выступают с критикой Г. Л. Пермякова (Беликов, 2008; Иванов, 2007), отмечая количественную и качественную несбалансированность персонального состава информантов Г. Л. Пермякова и территориальную ограниченность проведённого эксперимента. Так, белорусский паремиолог Е. Е. Иванов в своём докладе на XI Международном конгрессе МАПРЯЛ (Иванов, 2007) предложил заменить поиски «паремиологического минимума» выявлением и скрупулёзным описанием «основного паремиологического фонда» славянских языков. Последний, по его мнению, можно выявить на основе точных подсчётов фиксаций той или иной паремии в соответствующих источниках. Таким образом, можно говорить о новом альтернативном критерии паремиологической «фондовой» частотности.

В этом же направлении развивается и современная чешская паремиология. Так, Ф. Чермак в своей статье, посвященной паремиологическому минимуму чешского языка (Čermák, 2003), указывает на следующие недочеты метода Г. Л. Пермякова, а именно:

- неясно, на основе чего должен составляться список пословиц, изначально участвующих в паремиологическом эксперименте;
- далеко не всегда самой узнаваемой частью пословицы является ее начало, а потому, возможно, не всегда справедливо при опросе информантов редуцировать пословицу именно за счет ее постпозиционной части;
- метод анкетирования направлен на выявление «знаемости» пословиц, однако остается непонятным, входят ли эти пословицы в активный или пассивный запас информантов (Čermák, 2003, 15–16).

Благодаря такой быстро развивающейся современной области языкознания, как корпусная лингвистика, стало возможным проводить альтернативные исследования активного паремиологического фонда, базирующиеся на гораздо более обширном иллюстративном материале, а именно, на основе электронного корпуса текстов. Национальный корпус создается лингвистами, специалистами по корпусной лингвистике для научных исследований. Большинство крупных языков мира уже имеет свои национальные корпуса (различающиеся по полноте и уровню научной обработки текстов). Общеизвестным образцом является Британский национальный корпус (<http://www.natcorp.ox.ac.uk/>), на который ориентированы многие другие современные корпуса, в частности Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>). Среди корпусов славянских языков, безусловно, выделяется Чешский национальный корпус, созданный в Карловом университете Праги (<http://ucnk.ff.cuni.cz>).

Ф. Чермак выделяет следующие особенности исследования паремиологического фонда национального языка с помощью корпусной лингвистики:

(1) Такое исследование опирается на обширную базу текстов, в случае Чешского национального корпуса речь идет о 100 000 000 слов.

(2) Корпус в основном базируется на письменных текстах, что, возможно, не совсем адекватно отражает употребление пословиц в языке – это Ф. Чермак относит к недостаткам данного метода.

(3) Корпус отражает активный словарный, а значит и паремиологический, запас исследуемого языка.

(4) К самому большому преимуществу данного метода Ф. Чермак относит возможность исследования пословиц в контексте, что позволяет зафиксировать и изучить пословицу во всей полноте ее вариантности, что ранее было невозможно (Čermák, 2003, 16–17).

С помощью корпуса также стало возможно получить различные статистические данные, например, вычислить среднюю частотность пословиц во всем корпусе письменных текстов. По данным Ф. Чермака, 0,128 % всего корпуса составляют пословицы, при этом в среднем встречается одна пословица на 36 000 слов. Была установлена средняя длина чешской пословицы – 4,6 слова. Ф. Чермак приводит четыре самые короткие чешские пословицы, состоящие всего из 2 слов – это *Pravda vítězí; Sliby chyby; Příklady táhnou; Peníze nesmrdí*. А самые длинные чешские пословицы состоят из 8 и даже 10 слов – это *Jak se do lesa volá, tak se z lesa ozývá* и *Tak dlouho se chodí se džbánem pro vodu, až se ucho utrhne*. Интересно, что из 100 проанализированных самых частотных чешских пословиц 62 % паремий представляют собой простые предложения, а 38 % являются сложными предложениями, состоящими из двух частей (Čermák, 2003, 19–22).

Очевидно, что эксперименты по выявлению паремиологического минимума языка (по методу Г. Л. Пермякова) могут дополняться исследованиями паремиологического фонда на базе национального корпуса. В первом случае целью исследования является так называемая «знаемость» пословиц среди носителей языка, а во втором – употребительность пословиц в письменных текстах. Подобные исследования позволяют зафиксировать наиболее яркие и актуальные тенденции функционирования пословиц в современном языке: выявить актуальный на данный момент инвариант ПЕ, зафиксировать ее наиболее частотные варианты, проанализировать наиболее продуктивные модели образования окказиональных вариантов. Анализ вышеперечисленных факторов позволяет сделать выводы об изменениях в языковой картине мира соответствующего языка.

О заменяемых и опускаемых фрагментах паремий специалисты упоминали постоянно, но с таким же постоянством говорилось и об их клишированности, неизменности. Не случайно основная работа русского паремиолога Г. Л. Пермякова имеет подзаголовок «Заметки по общей теории клише». В действительности особого противоречия тут нет: любая собст-

венно пословица или поговорка в речевых произведениях, конечно, изменчива, но оказывается невероятно клишированной при сопоставлении с аналогичными «обычными» текстовыми единицами. Как отмечает В. И. Беликов в своей статье «Паремии как объект лексикографии», вариативность, отражаемая словарями пословиц (и свойственная отнюдь не всем паремиям), – это вариативность не текстовая, а системная; эта вариативность не отменяет их клишированности, так же, как варьирование типа *феноmén / феномен* (или *инцидент / инцидент*) не позволяет усомниться в единстве соответствующих лексических единиц в рамках литературной нормы (или общенародного языка). Однако если вариативность лексической единицы – нечастое исключение, то в паремиологическом фонде **это норма** (Беликов, 2008, 2).

Наверно, первым, кто разработал **типы пословичных вариантов**, а также сформулировал четкие критерии того, что можно называть общенародным вариантом, а что является авторской переделкой, был В. П. Жуков, который в предисловии к своему «Словарю русских пословиц и поговорок» (1966) выделил формально-словообразовательные, лексико-грамматические и структурные варианты пословиц (Жуков, 2005, 16). В. П. Жуков также отмечает такое явление, как факультативность (которое он отличает от вариантности): когда какая-либо пословица функционирует в языке как в полном, так и в неполном виде. Слово или отдельная часть пословицы, которые могут быть опущены без ущерба для смысла, соответственно называются факультативным словом или факультативной частью пословицы. Ср.: *Горбатого одна могила исправит* и *Горбатого могила исправит*; *Голод не тетка, пирожка не подsunет* и *Голод не тетка* (Жуков, 2005, 17). Основным отличием нормативной вариантности и факультативности от индивидуально-авторского преобразования является то, что вариантность и факультативность не приводят к нарушению тождества паремии, в этих явлениях обнаруживается специфика формы, внешнего выражения пословиц (там же).

В последние годы исследования в области вариантности пословиц активизировались (В. И. Беликов, Е. Е. Жигарина, Г. Капчиц, М. А. Милотина, Й. Млацек, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева, М. Новакова, Е. И. Селиверстова, Ф. Чермак и др.). Так, Ф. Чермак считает, что существование пословиц в различных вариантах возможно благодаря отсутствию какой-либо кодификации или искусственного «замораживания» пословиц, которые живут своей жизнью. Однако чешский паремиолог не делает четкого разграничения между вариантностью и намеренной трансформацией пословиц, выделяя три основных типа пословичных вариантов: (а) синтагматические, (б) парадигматические и (в) сложные, или смешанные (Čermák, 2003, 28–29).

(А) Синтагматические варианты возникают в результате редукции, то есть использования лишь первой части пословицы, или в результате распространения пословицы за счет короткого комментария, квантификатора (как, например, *всегда, часто*) или вводного слова (*однако, все-таки*).

(Б) Парадигматические варианты встречаются реже и сводятся к морфологическому или лексическому варьированию (изменение глагольного времени, числа, переход утверждения в отрицание). К этому же типу вариантов Ф. Чермак относит такие случаи лексической замены (например, *Vlk se našral a koza chcípá*), которые нами рассматриваются в рамках приемов намеренной трансформации пословиц.

(В) Под сложными и смешанными вариантами Ф. Чермак понимает сочетание приемов А и Б, отмечая, что порой бывает очень сложно разграничить вариант и новое образование (например, *Ráda se skrývá za boží mlýny s jejich příslovečnou pomalostí* – прием, который мы в данной работе относим к сложным приемам трансформации пословиц и рассматриваем в рамках аллюзий).

При составлении «Большого словаря русских пословиц» (2010) коллектив авторов под руководством проф. В. М. Мокиенко стремился к наиболее полному отражению вариантности русского паремиологического фонда. Однако перед учеными стояла непростая задача – как отразить все варианты пословицы и при этом не привести к излишне усложненной «многоярусной» структуре словарной статьи и неразграничению важных компонентных, региональных, хронологических, стилистических, культурологических и др. различий, которые отражены в конкретных источниках. Поэтому, как отмечает одна из соавторов словаря Е. К. Николаева, в тексте словаря лексические и структурные варианты подаются отдельно, с указанием конкретных источников. Однако объединение некоторых вариантов прагматически необходимо. Не подрывая принципа дифференциации, авторы объединяют следующие типы вариантов¹:

а) морфологические и словообразовательные: *Сила Господня в немощи (в немощах); Грибов (грибы) ищут по лесу рыщут;*

б) фонетические и орфографические: *Грамоте не знает, а (да) ифирь (цыфирь) твердит; Вовремя грозой да лозой, а не в пору (невпору) колом да дубиной;*

в) объединяются (в порядке исключения) и такие лексические и структурные варианты пословицы, которые зафиксированы одним источником, где варианты объединены его составителем, напр.: *Государь – батюшка, надежда – православный (белый) царь; Выпил на зривну, а славы (шуму) на сто рублев; Грозцы грозят, а Бог дает (посылает).*

¹ Все примеры – из статьи Е. К. Николаевой (Николаева, 2008, 510–511)

Составители словаря следовали принципу: лучше на первом этапе больше дифференцировать варианты и затем при необходимости (на этапе редактирования) их объединять, чем рисковать утратой ценной информации о том, где, в каком источнике, регионе и хронологическом пласте зафиксирован тот или иной вариант (Николаева, 2008, 510–511).

Анализ вышеперечисленных исследований позволяет сделать вывод о том, что **наличие пословичных вариантов является частью паремиологической нормы языка** и, несомненно, должно находить отражение в словарях в качестве иллюстрации пластичности или «эластичной стабильности» пословичного клише. Под *вариантностью* следует понимать такое видоизменение пословицы, которое существует в сознании носителей языка, не несет дополнительной семантической нагрузки и не осознается носителями языка как искажение пословицы.

Одной из самых актуальных проблем современной паремиографии нам также видится фиксация **трансформаций** – окказиональных и индивидуально-авторских употреблений пословиц, выбивающихся за рамки нормативной вариантности. Освоение пословичных трансформов паремиографией только начинается. Первый опыт их лексикографического отражения представлен в словарях Х. Вальтера и В. М. Мокиенко: «Пословицы русского субстандарта» (2001), «Словарь русских антипословиц» (2002), «Антипословицы русского народа» (2005), «Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы)» (2006). На материале устойчивых чешских трансформов известный поэт, писатель и переводчик Йиржи Жачек выпустил небольшой шуточный иллюстрированный сборник «Kapesní opravník českých přísloví» (2001).

С одной стороны, обобщенность, определенная независимость от конкретной ситуации приводит к семантической автоматизации пословиц, с другой – функционирование в речи их деформирует. Пословицы поглощаются контекстом в структурном и смысловом плане. Воздействие среды на пословицу вызывает ее трансформацию, что способствует усилению смысловой связи пословицы и контекста. Как считает Е. А. Онищук, психологической основой возможности трансформации фразеологизмов является знание говорящим не только значения узуальной ФЕ, но и значения большинства слов, ставших ее компонентами (Онищук, 1991, 7). Это утверждение, как нам кажется, справедливо и для пословиц. Воспринимая трансформированную паремию, мы противопоставляем ее узуальной и выносим из этого противопоставления дополнительную информацию.

Таким образом, окказиональные преобразования, с одной стороны, сохраняют свою соотнесенность с традиционной пословицей, их породившей, вызывая у читателя так называемый «эффект узнавания» (термин В. М. Мокиенко) и определенные ассоциации. С другой стороны, данные транс-

формы являются результатом актуализации, переосмысления, вызывают эффект неожиданности и несут дополнительную экспрессию. Именно совокупность этих факторов ведет к достижению необходимого автору стилистического эффекта.

Многообразные способы трансформации пословиц не являются произвольными, совокупность этих трансформаций охватывает некую сумму модификационных приемов, рассмотрение и систематизация которых необходимы для объективного описания этого паремиологического явления.

Проблема разграничения языкового – нормативного, речевого – окказионального и индивидуально-авторского оказывается очень сложной. К ней обращались такие исследователи, как А. И. Молотков, В. П. Жуков, Н. Л. Шадрин, С. И. Вяльцева, А. Г. Лыков, Е. А. Онищук, Т. А. Наймушина и многие другие. Т. А. Наймушина рассматривает проблему варианта в трех измерениях:

- языковой вариант,
- речевой вариант,
- индивидуально-авторский вариант.

То есть, существуют языковые, ставшие традиционными, общеупотребительные **варианты** пословиц, зафиксированные в существующих паремиологических сборниках. Речевые или окказиональные варианты не зафиксированы в словарях, **не нормативны**, а потому, как говорит Т. А. Наймушина, обладают определенным стилистическим эффектом. К индивидуально-авторским преобразованиям она относит только явные случаи, например, создание выражений пословично-поговорочного характера по известным языковым моделям (Наймушина, 1984, 88–89).

На наш взгляд, именно последние две категории, т.е. окказиональные варианты и индивидуально-авторские преобразования целесообразно считать **трансформациями** и различать *вариантность* в узком смысле слова и случаи намеренной *трансформации* пословиц. Языковые варианты, т.е. существующие в сознании носителей языка вне рамок какого-то конкретного текста, необходимо рассматривать в рамках нормативного паремиологического языкового фонда. Трансформация всегда преследует конкретные стилистические цели, достижение определенного коммуникативного эффекта, актуализации пословицы в условиях контекста, ее каламбурного обыгрывания.

Отличие понятий вариантности и трансформации можно проследить на примере функционирования нескольких известных пословиц в современном чешском языке.

Так, известная пословица *Kdo dřív přijde ten dřív mele* часто употребляется в следующих вариантах: *Kdo dřív přijde dřív mele* и *Kdo dřív přijde ten*

mele, где мы наблюдаем лишь эллипсис отдельных компонентов, которые В. П. Жуков назвал бы факультативными.

Pro ty z Vás co již plánují letní dovolenou připomínáme, že prodej letních rekreač je již v plném proudu a kdo dřív přijde – dřív mele... (<http://www.moravskedictvi.cz/hotel-radejov/>)

Kdo dřív přijde ten mele. *Podmínky schvalování grantů mívají různé nedostatky. Jedním z nich bývá nedostatek času pro žádající organizace.*

(<http://www.denikreferendum.cz/clanek/4944-kdo-driv-prijde-ten-mele>)

И в то же время эта паремия дает плодотворную почву для различных трансформаций и контекстуальных обыгрываний, например, замены образа в заголовке к статье о сельской больнице:

Kdo dřív přijde, ten dřív žije.

Pacient: Jsou zde jiní pacienti, pomozte jim.

Gregory House: Služby poskytujeme podle pravidla, kdo dřív přijde, ten dřív žije. (<http://www.blisty.cz/art/45430.html>)

Сходный пример обыгрывания данной поговорки встречается в критической статье о новой системе регистрации студентов в одном чешском ВУЗе:

ISIS: Kdo dřív přijde, studuje

Integrovaný studijní informační systém (ISIS) nezvládl po problémech při srpnových registracích další zkoušku. Několikahodinová snaha přihlásit se do systému, chybová hlášení, časté výpadky a pomalá odezva při práci v samotné aplikaci. I takové zkušenosti si studenti odnesli ze včerejších zápisů. (<http://www.ilist.cz/clanky/isis-kdo-driv-prijde-studuje>).

Распространенный способ трансформации поговорок – замены на основе фонетического сходства компонента-заменителя и исходного слова – результат использования приема паронимии – стилистического приема, предполагающего нарочитое сближение слов, в чем-либо сходных в своем звуковом составе. Так, основываясь на фонетическом сходстве слова *vrabec* и фамилии ***Brabec***, а также фамилии ***Holub***, производной от существительного *holub*, возникли и нижеуказанные замены. Например, в аннотации к книге Мирослава Голуба «Narození Sisyfovo» мы встречаем обыгрывание:

Lepší Brabec v hrsti, nežli Holub na střeše (<http://magazlin.zln.cz/14/kniha14.htm>).

Были обнаружены также следующие примеры:

Lepší Brabec v hrsti, než Mácha na střeše? (<http://schmarc.blog.idnes.cz/c/45940/Lepsi-Brabec-v-hrsti-nez-Macha-na-strese.html>)

Lepší Brabec v hrsti, než Pelta na střeše. (<http://jihoczech.txt.cz/>)

Nejsem si jist, zda je lepší Jiří moravský Brabec v hrsti než Emil africký Holub na střeše... (magazlin.zln.cz/6/textaze6.htm).

И даже в словаре Биттнеровой и Шиндлера была зафиксирована ПЕ ***Lepší Brabec v hrsti, než Zeman na stopě*** (Česká přísloví, №1967), и это лишь

доказывает, что процесс творческого переосмысления (т.е. трансформации) пословиц уже давно вышел за границы языка СМИ и художественной литературы. Наиболее удачные трансформы активно входят в язык и в будущем имеют все шансы постепенно стать частью национального паремиологического фонда.

Подводя итоги, можно отметить, что трансформация всегда является намеренной и преследует конкретные стилистические цели, достижение определенного коммуникативного эффекта, актуализации пословицы в условиях контекста, ее каламбурного обыгрывания. Именно поэтому следует различать такие понятия, как *трансформация* и *вариантность*. Принимая во внимание принцип нормативности пословичной вариантности, необходимо допускать мобильность и эластичность паремиологического корпуса языка и включать в него на правах нормативных воспроизводимых варианты «живых» пословиц (термин В. М. Мокиенко). И этот термин лучше всего характеризует необходимые качества пословиц, позволяющие им быть активными единицами языка и составлять нормативный паремиологический корпус языка – узнаваемость («общеизвестность»), частотность, общепотребительность и воспроизводимость в современном языке (как в его письменной форме, так и в устной, разговорной).

Literatura:

- BITTNEROVÁ, D. – SCHINDLER, F.: *Česká přísloví: Soudobý stav konce 20. století*. 2. vyd. Praha, Nakladatelství Karolinum, 2003.
- ČERMÁK, F.: *Paremiological Minimum of Czech: The Corpus Evidence*. In: Flut von Texten – Vielfalt der Kulturen. Ascona 2001 zur Methodologie und Kulturspezifik der Phraseologie, Hrsgb. H. Burger, A. Häcki Bufofer, G. Greciano, Schneider Verlag Hohengehren, 2003, 15–31.
- HAVRÁNEK, V.: *Úkoly spisovného jazyky a jeho kultura*. In: Spisovná čeština a jazyková kultura. Praha 1932, 32–84.
- NEBESKÁ, I.: *Jazyk. Norma. Spisovnost*. Univerzita Karlova v Praze. Praha, Nakladatelství Karolinum, 2003.
- БЕЛИКОВ, В. И.: *Паремии как объект лексикографии*. <http://www.dialog-21.ru/dialog2008/materials/html/7.htm>.
- ЖИГАРИНА, Е. Е.: *Современное бытование пословиц. Вариативность и полуфункциональность текстов*. Автореферат дисс. канд. филол. наук. М., 2006.
- ЖУРАЕВ, Э. Х.: *Норма во фразеологии и ее кодификация в словарях (на материале немецкого, узбекского и русского языков)*. Автореферат дисс. канд. филол. наук. Ташкент, 1991.

- ЖУКОВ В. П.: Словарь русских пословиц и поговорок. 12-е изд., стереотип. М., Рус. яз. – Медиа, 2005.
- ИВАНОВ, Е. Е.: «Основной паремнологический фонд» русского языка с «паремнологическим минимумом». Доклады к XI Международному конгрессу МАПРЯЛ. Могилев, 2007.
- КОТОВА, М. Ю.: *Очерки по славянской паремнологии*. СПб, Филологический факультет СПбГУ, 2003.
- МОКИЕНКО, В. М.: *Фразеологическое калькирование как генератор интернационализации языковой системы*. In: Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения): Материалы Международного научного симпозиума. 4–6 мая 2009 г./Отв. ред. В. И. Макаров: НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2009, 24–28.
- НАЙМУШИНА, Т. А.: *Пословицы и поговорки в художественном тексте*. Автореферат дисс. канд. филол. наук. Л., 1984.
- НИКОЛАЕВА, Е. К.: *Вариантность пословиц в новом большом словаре русских пословиц*. In: Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты). Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д.ф.н., проф. А. М. Мелерович. Москва–Кострома, 2008, 509–512.
- ОНИЦУК, Е. А.: *Актуализация и трансформация фразеологизмов в художественном тексте*. Автореферат дисс. канд. филол. наук. СПб., 1991.
- СЕЛИВЕРСТОВА, Е. И. О семантическом статусе компонента пословицы и паремийном варьировании. In: *Rossica Olomucensia XLIV (za rok 2005)*, 3. část. Olomouc, 2006, 811–816.

<http://praglingv.ru/>

<http://www.natcorp.ox.ac.uk/>

<http://www.ruscorpora.ru/>

<http://ucnk.ff.cuni.cz>